

Церейские были

Сборник рассказов

**Георгий Миллер
Никон Рождественский
А. Балов
Иван Сергеевич Шмелев
Борис Николаевич Ширяев
Иерейские были**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73090213

Иерейские были / [Сост. А. З. Лобанова]: Сибирская Благовонница;

Москва; 2012

ISBN 978-5-91362-539-7

Аннотация

Повинуйтесь наставникам вашим и будьте им покорны; ибо они неусыпно пекутся о душах ваших, как обязанные дать за вас отчет (Евр. 13,17). Кто же они— духовные руководители наших душ, которым Господь поручил принять у нас искреннее раскаяние в содеянных нами грехах, когда плоть наша и диавол – ежеминутно нападают на нас? Но и сами наши духовные наставники пребывают в том же мире и обуреваемы теми же житейскими заботами. Этот скромный сборник произведений русских писателей рассказывает о мирском бытии провинциальных иереев.

Содержание

Один из невидимых стражей души народной	5
Встреча	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Иерейские были (*Сост. А. Лобанова*)

© Составление, оформление, Сибирская Благовонница,
2012

* * *

Один из невидимых стражей души народной

Памяти моего дядюшки

Помянух дни древния и поучахся...

Наше мутное и смутное время невольно заставляет переноситься мыслию к первым векам христианства, ко временам гонений на веру Христову, и страшно становится, когда подумаешь: как далеко ушли мы от тех веков – не говорю уже в жизни, но и в мысли, в мирозерцании, в самых идеалах, столь помутившихся и потускневших в нашем сознании...

Вот пример. Древние христиане называли смерть успением, преставлением, а день смерти даже – днем рождения – рождением в другую, лучшую жизнь.

Оттого и праздновали день кончины мучеников и других святых как радостный праздник, как торжество над смертью. «Почивает в мире», «почивает во Христе» – вот обычные надписи на местах погребений в древних катакомбах, этих усыпальницах, где погребено до 300 000 мучеников... А ныне?.. Пышные надгробия, вовсе не нужные покойнику венки, суэта сует, которая, однако же, стоит тысячи и сотни тысяч, – стоит столько, что на эти деньги можно бы построить сотни

храмов Божиих там, где православная душа жаждет места молитвы, но не имеет сего утешения... А ведь в этих храмах Божиих до скончания веков приносилась бы Бескровная Жертва за упокой души тех, которые теперь покоятся под бесполезными для них памятниками!..

Но отвратим очи свои от этой суеты. Утешим себя тем, что и в наши дни есть рабы Божии, отходящие в другую жизнь «в мире», с надеждою воскресения, как бы на временный покой после трудовой жизни в этой юдоли скорбей. У их гроба как-то тепло становится на душе, мысль о смерти отходит на второй план, на место ее является созерцание таинства смерти... «Спит спокойно во Христе», – думается, когда смотришь на спокойное лицо усопшего, или, лучше: «созерцает в благоговении то, что для нас еще закрыто, неведомо, но что ему, усопшему, теперь открылось, стало уже не предметом веры, а живою действительностью»...

И сердце спрашивает почившего: в чем тайна его спокойствия? Почему у его гроба не веет призрак смерти, почему так тянет именно к этому покойнику: тогда как от другого бежать хочется? И тайный голос, голос совести нашей, отвечает нам: посмотрите, оглянитесь на его жизнь, и вы все поймете...

5 февраля скончался почтенный старец, мой дядюшка, протоиерей Григорий Иоаннович Грузов, на 89-м году своей трудовнической, праведной жизни. 65 лет служил он в священном сане, почти 55 лет – в одном и том же бедном при-

ходе, и только тяжкая болезнь заставила его расстаться с любимую паствою, с теми, кого он крестил, венчал, с кем делил все скорби и радости... Помнится, раз, проезжая чрез Кострому, я стоял обедню в соборе, где служил преосвященный Тихон. На сем служении он дал сан протоиерея одному вот из таких смиренных служителей алтаря, восьмидесятилетнему старцу: во время причастного стиха, он представил мне сего старца с словами: «вот кем стоит Русская земля!» Да, вот такими смиренными служителями Церкви Божией, как этот неведомый мне старец, как мой ныне почивший дядюшка, пока и крепка наша Русь Православная; в тишине и безвестности, скромно и в простоте сердца они делают свое дело, воспитывая народ в страхе Божиим, в послушании родной матери-Церкви, в преданиях и заветах родной старины, в беззаветной любви к царю и отечеству... С ними, вот с этими смиренными батюшками, наш народ прошел чрез всю свою тысячелетнюю историю, перенес и иго татарское, и крепостную зависимость, и глады, и моры, и нашествия иноплеменных, делили с народом горе его, помогали ему нести тяжелый крест жизни, согревали его сердце утешениями веры и благодати Христовой. Это были пестуны народные на протяжении тысячи лет истории нашего народа, это были стражи народной души и всех тех сокровищ, которыми наградила русский народ его любящая мать – Православная Церковь. Храм Божий да «батюшка родимый» – вот кто ближе всех стоял к народу, кто воспитал душу народную, кто был ее ан-

гелом-хранителем...

Таким вот был и покойный отец Григорий. Сын бедного сельского дьячка (род. в 1825 году), он провел свое детство в родном Чашникове, в многолюдной семье отца, под благотворными веяниями родного храма Живоначальной Троицы, пел и читал на клиросе, ходил по приходу славить Христа в Рождество и Пасху, собирая грошики, любимый прихожанами, воспитываемый матерью в страхе Божиим и уважении к старшим. С добродушной шуткой рассказывал покойный, как мать, провожая его до Москвы, чтобы записать в духовное училище, строго наказывала ему: «Смотри, сынок, будь ко всем почтителен, всем старшим кланяйся». И воспринял послушный сын урок матери: лишь только вошли в заставу, как Гришенька снял шапку и стал кланяться направо и налево проходящей публике. Увидев это, мать спросила: «Что это ты делаешь?» – «А как же, маменька? Ведь все они старше меня: надо кланяться»...

На время ученья в училище пришлось мальчику приютиться в темном углу у какого-то столяра. На первом же уроке ему пришлось отведать и детского горя: книг не было, учить урок не по чему; он так и сказал учителю, когда тот стал спрашивать урок. Но его оправдание, которое ему казалось столь законным, не было принято во внимание, и за незнание урока мальчик был наказан розгою. И всю жизнь, до глубокой старости, он помнил эту розгу и называл ее благодетельницей своей, ибо она заставила его вставать порань-

ше, до рассвета бегать в училище, чтобы там у товарищей брать книги и готовить по ним уроки...

Кончилось ученье. Грузов вышел из семинарии в первом разряде. Ему предлагали даже идти в академию, но добро-го юношу-идеалиста влекло призвание послужить Церкви в селе. Старая семинария умела воспитывать такое стремление в юношах. Мои братья, учившиеся спустя лет десять после дяди, еще привозили ворохи списанных проповедей разных авторов: это они готовили себе запас на время пастырского служения. Теперь – увы! – семинаристы об этом не думают... И вот, молодой студент идет в консисторию и подает митрополиту Филарету прошение на первое открывшееся священническое место в селе Петрове Рузского уезда, верстах в 70-ти от Москвы. Место было из бедных, соперников не оказалось, и он определен туда. Надо искать невесту. Спрашивает родных, знакомых... Указывают ему на семью одной просфорницы, у которой четыре дочери-невесты. Григорий Иванович, преодолевая семинарскую застенчивость, идет к будущей теще, знакомится, начинает посещать ее дом... Но зачем ходит – сказать недостает решимости. Старушка-просфорница решается, наконец, помочь юноше: «Да не стесняйтесь, пожалуйста, Григорий Иванович: ведь я знаю, зачем вы к нам ходите (конечно, добрые сваты ее предупредили), говорите откровенно: которая же вам больше нравится?» – «А какую, мать, благословишь, – отвечает жених, – такую и возьму!» И мать, следуя приме-

ру ветхозаветного Лавана, отдает ему старшую из дочерей своих, Елену Николаевну. И свадьба скоро состоялась. Взял Григорий Иванович у одного барина сюртук для венчания. А вскоре посвятился во иереи и с молодою супругою отправился в неведомое дотоле Петрово.

Был ненастный ноябрьский вечер. Грязь, слякоть, холод, дождь хлестал в лицо. Тьма такая, что в пяти шагах ничего не видно. Возница провез молодого иерея мимо церкви и по старому проспекту времен Екатерины Второй привез его в соседнюю деревню. Увидев в избе огонек, отец Григорий слез с телеги и постучался в окно, чтобы спросить дорогу. Окно открылось, и старик сказал батюшке, чтоб поворачивали назад: село они проехали...

Вернулись. Разглядели церковь. Рядом чей-то дом. Постучались и здесь. Оказалось – тут живет отец дьякон. Хозяин радушно принял своего будущего настоятеля. На утро отец Григорий пошел в храм Божий, где Бог привел ему служить и... при виде его заплакал!.. Старый деревянный храм весь перекосялся, отворишь дверь – не затворишь, стены немощны, с потолка сыплется иней, а стало быть, если сойдется народ, то польет и дождь...

После храма пошел осматривать свое будущее жилище. И тут хоть плачь! Бедная избушка, в два окна, вросла в землю, полы провалились... Это дом священника, его предшественника.

Что делать? Как жить?..

Пошел знакомиться с соседями, а их было только два приказчика или, как они себя величали, управляющие имением. Приходит к первому – оказался добрым человеком: ободрил батюшку, приласкал, пообещал помочь, чем может. Заговорил отец Григорий о доме. «Надо, – говорит управляющий, – строить новый». – «Но ведь нет ни денег, ни лесу?» – «Все найдется, отец!» – «Кто же поверит мне?» – «Но почему же не поверить? Ведь жить приехал – не сбежишь. Вот поедем к соседу: у него есть готовый сухой лес – отпустит!»

Поехали. Долго отец Григорий не решался сказать, зачем приехал, да спасибо первому соседу: выручил! – «Что ж, отец, молчишь? Проси Н» – «Простите: духу недостает!» – «А в чем дело?» – спрашивает хозяин.

Отец Григорий рассказал свою нужду. – «Ах, отец Григорий! Да бери, сколько тебе нужно!» – «Ведь взять – платить надобно, а денег нет у меня». – «Сочтемся, когда-нибудь заплатишь».

И отец Григорий при помощи тех же добрых людей (которые и денег дали) построил себе домик и, не теряя времени, в том же домике, где сам жил с молодою супругою, собрал ребятишек деревенских и стал их учить грамоте. Так, еще в 1848 году, положено было начало церковно-приходской школе, лучше сказать – школе грамоты. Тогда не «изыскивали средств», не ожидали помощи ниоткуда, а творили святое дело в простоте сердца: брали ребят – полтина с головы за выучку читать, писать и четырем правилам ариф-

метики, горшок каши да мерку гороху на придачу – и дело кончено. Так велось с незапамятных времен, в такой школе учились и мы когда-то у своих родителей. Так учил и отец Григорий.

А учить он был мастер: все время, пока учился в семинарии, давал уроки в барских домах, откуда иногда за ним, как он, бывало, хвалился, «и каретку посылали». Детей он всю жизнь любил страстно, умел как-то особенно ласкать их, завладевать их сердечком, умел говорить их детским языком так, что ребятки льнули к нему не как даже к отцу, а как к родной матушке.

Шли годы, и школа отца Григория росла, ширилась, впоследствии разделилась на две: одна обратилась в начальную церковно-приходскую, другая – в двухклассную для питомцев Воспитательного дома. Пока не было последней, отец Григорий готовил питомцев к экзамену, и когда те выдерживали экзамен, то он получал за выучку от Воспитательного дома рублей уже по 17, а по 18 с ученика церковно-приходской.

Настала весна. Оказалось, что рядом с домом – болото. Отец Григорий немедленно принялся осушать это болото: провел канавы, выкопал пруд, и все это – один, своими руками. А затем насадил и сад из плодовых деревьев, который впоследствии стал давать ему до 70 рублей: яблоки и вишни он сам возил для продажи в Белокаменную.

Но главною заботою его был храм Божий. Он задался мыс-

лию – непременно построить каменный храм. Двадцать пять лет строил он его, строил без крупных жертвователей, только на лепты прихожан да сбором по матушке-России чрез «дядю Власа», и построил ведь, да еще какой! Трехпрестольный, с золоченым пятиярусным иконостасом, с каменною колокольнею, и колокол в 200 пудов отлил... «Все Бог, – говаривал старец, – Бог да добрые люди – мои прихожане. Трудились, трудами созидали Божий храм. Устроили свой кирпичный завод, 25 лет возили дрова из лесных дач, кирпич, товары на фабрику покойного Павла Григорьевича Цурикова, – они возили, а я являлся в контору фабрики да за провоз-то, что следует, и получал, и отвозил в Москву при случае, сдавал в Сохранную казну. Так и копили по грошикам, а когда скопили малость, строить стали... Все Бог да мои добрые прихожане!»

Но смиренный пастырь и сам работал немало. Каждый день не раз он, в летнее время, поднимался по лесам на стройку, сам вместе с десятником (архитектор-то наезжал раза два во весь строительный сезон) следил за работами, делал указания, сам ездил закупать материалы, сам управлял кирпичным заводом, словом – везде являлся сам лично, не доверяя никому из посторонних – не потому, что не было у него добрых и честных прихожан: были в те времена хорошие люди всюду, – а потому, что «свой глазок – смотрок»: и товар выберешь получше, и купишь подешевле... Помню, в 1874 году, он заехал ко мне в Новый Иерусалим, где я был

тогда послушником, радостный, торжествующий. «Слава Богу, – говорит, – освящение храма разрешено!» И рассказал, как принял его незабвенный святитель Московский митрополит Иннокентий. «Пришел я к нему не вовремя: он, батюшка, ушел в баньку, говорят мне. – Так я завтра приду, говорю я. – Ах нет, отец: этого у нас нельзя, Владыка приказал докладывать о всех, кто издалека придет, безотказно. – Сижу, жду. Говорят: пришел. Зовет к себе. Вхожу в кабинет. А он, батюшка, Царство ему Небесное, выходит ко мне за просто, в одном подрясничке, а с головки-то и бородки так и течет водица... Ну, что, отец, скажешь? Зачем пожаловал? – Рассказал я ему, в чем дело. – А издалека ты приехал-то? спрашивает меня. – Верст за 70. (Надо помнить, что в те времена еще не было ни железных дорог, ни шоссеиных.) – А где, говорит, остановился? – На постоялом дворе, отвечаю. – Ах, как это неудобного, заботливо сказал святитель. Надо поскорее тебя отпустить, а то консистория-то затянет дело... Да вот что: я напишу резолюцию сейчас же, тебе канцелярия моя даст копию засвидетельствованную, и ступай ты с Богом, покажи благочинному, да и освящайте святы́й храм... Вот какой был ангел Божий!» И слезы благодарности к великому равноапостольному святителю орошали старческие ланиты моего дядюшки. «Каждый день, и утром и вечером, поминую я его на своей грешной молитве, – прибавлял старец, – а когда служу, то имя его с родными своими неотменно поминаю».

И храм был освящен отцом благочинным. Отец Григорий сказал своим добрым сотрудникам-прихожанам слово, расстроившее их до слез. Вообще, он поучал своих духовных чад не мудрствуя, в простоте сердца и от сердца, слов своих не писал, а говорил то, что подсказывало ему сердце да любовь к детям духовным. И слово его как доброе семя ложилось на простые сердца и приносило плод по роду своему. Но, следуя заповеди Апостола – любить не словом только, но и делом, отец Григорий показывал и на деле свою любовь к прихожанам. Случалось, например, что, обходя приход со святынею в Пасху, он замечал, что у бедняка мужичка двор раскрыт, солома снята с крыши и скормлена скоту: ясно, что платить батюшке за службу на дому у него нет ни гроша. Мужичок встречает батюшку у ворот, берет благословение, а отец Григорий его спрашивает уже: «Что, брат, заплатить-то нам нечем?» – «Не обессудьте, родной», – отвечает тот. И отец Григорий, вынимая из кармана 15–20 копеек, сует мужичку в руку, оглядываясь, как бы этого не заметил дьячок. «Возьми, брат, расплатись с нами, а то дьячок-то будет скорбеть: ведь я-то, пойми, я-то как-нибудь проживу, а он получает восьмую копейку: как ему жить с его большой семьей?» – И не бывало случаев, чтоб эти двугривенные или пятиалтынные не возвращались батюшке, хотя поздней осенью, с глубокой благодарностью.

Вот почему так горячо любили его прихожане, и надо было видеть, как они провожали его, когда он, после тяжелой, в

течение целого года, болезни, решился выйти за штат: толпами проводили его до границ прихода и горько плакали – эти мужики, эти грубые на вид натуры... А когда старец поселился в Москве, то нередко, бывая там, навещали его, своего «батюшку родимого», приносили ему немудреные деревенские гостинцы. Да и в Петрове, несмотря на бедность прихода, дом его, милостию Божией и любовью прихожан, можно было назвать полною чашею: были у него и лошадки, и коровки, были и гуси, и утки на его самым вырытом пруду, родилась у него в поле и ржица, и гречиха, и картошка, и вика...

Все Бог благословлял!

Любил покойный переноситься воспоминаниями в свое родное Петрово. С какою благодарностью к Богу рассказывал он о своем житье-бытье в этом скромном уголке Московской епархии! Нередко слезы лились из очей его, слезы, сопровождаемые славословием ко Господу. И стоит отметить эту добрую черту в его духовном облике: умел он крепко привязываться к людям, зато, где он ни бывал, где ни жил, – везде Бог посылал ему людей, которые умели ценить его доброе сердце, отвечали ему любовью и давали его отзывчивому сердцу пищу к излиянию благодарности к Богу за любовь этих людей и к молитве за них.

Можно думать, что благодаря вот этой кристальной чистоте и простоте его доброго сердца добрые люди помогли ему и сыновьям дать образование незаурядное: милостью Божи-

ей, они служат теперь в чинах превосходительных, сердцем унаследовав доброе сердце своего старца родителя...

Любил, страстно любил старец сельскую природу: до восхода солнечного вставал он в летнее время, шел в лес или поле косить, пахать, в поле и отдыхал, а если бывала служба, то еще до утрени, бывало, наработается, и вечером ложился после заката солнца. Спал так мало, что все удивлялись ему. Питался тем, что приготовит ему матушка – его верный неизменный спутник в жизни, друг в скорбях, помощник в трудах. Она была ему ровесница: только на три месяца моложе, и скончалась лишь в августе минувшего года, за пять месяцев до его кончины. Жили, как два ласковых голубка, давая пример и детям, и прихожанам. В характере, в личных качествах они как будто восполняли друг друга. Покойный приписывал эту милость Божию тому, что не сам он выбрал себе подругу жизни, а положился на волю Божию. И когда скончалась эта добрая старица, отец Григорий подошел к ее постели, преклонил колена и, целуя почившую, сквозь слезы трогательно промолвил: «И зачем ты меня покинула? Уже взяла бы и меня с собой!». И стал готовиться к исходу в вечную жизнь: часто говел, причащался Святых Таин и, наконец, освятился елеопомазанием. Отпраздновав день своего Ангела, 25 января, он уже не вставал с постели и 5 февраля тихо отошел ко Господу...

В погребении его участвовали несколько иереев – сродников его, и хотя он недавно жил в приходе Святой Троицы,

что на Капельках, но к погребению собралось много народа: видно, так было угодно Богу почтить старца Божия общецерковною молитвою...

Отец Григорий являл в себе тип патриархального священника: всецелая преданность Богу, служение ближнему в простоте любящего сердца, готовность во всякое время отдать последнее нуждающемуся, крепкая вера в Промысл Божий – вот чем он жил сам и учил других тому же. И на нем удивительно исполнялось слово Господа: «Ищите прежде всего Царствия Божия и правды его и сия вся приложатся вам». Он, по мере сил, в простоте сердца, делал свое дело и верил, что Господь во время благодетельное не оставит его. И по вере его всегда бывало так. И храм, и колокольню, и школу, и дом себе он построил, и детей воспитал, а долгов не оставил: во всем Бог помогал!

Когда ни приходится беседовать с молодыми иереями, я указываю им на примеры таких старцев Божиих – иереев, питомцев старой школы, носителей старых заветов Руси Святой. И грустно, и больно становится, когда оглянешься кругом и не видишь в молодом поколении таких патриархальных типов служителей Божией Церкви. Встречаются ревностные проповедники, школьные деятели, борцы с пьянством, – и за то, конечно, слава Богу, – но слишком мало таких, в коих самоцен был бы совершенно убит сознанием, что сами-то они – круглый нуль, ничто, что если что и творится доброе через них, так ведь это отнюдь не они делают, а Бог

через них: Бог и средства посылает, и случай дает, и силы, и время – все от Бога, и слава Ему – милосердному! В душе таких старцев живет страх: как бы не приписать себе чего-нибудь в деле Божиим, как бы не лишиться за это Божия благословения и помощи в будущем. Это – страх Божий, начало – основа духовной мудрости, духовного рассуждения. Даже помыслить, что вот это сделал я, они считают святотатством. Оттого и проявляется в их пастырской деятельности незримое для других, но для них самих сердцем осязаемое водительство десницы Божией. – Нельзя быть добрым пастырем, если не воспитаешь в себе, в чувстве своего сердца, этого мистического настроения, этого живого ощущения водительства Божия в пастырском служении. Не свое дело делаем, а Христово: мы Его послушники, Его работники и даже более – соработники. И дело Его – великое: воспитывать чада Царствия Божия, будущих граждан Иерусалима Небесного. К сим кто доволен? – восклицал некогда избранный сосуд благодати – апостол Павел. А он имел ум Христов, он дерзал говорить о себе: «Не к тому аз живу, но живет во мне Христос...» Живет, а следовательно, и действует. Если же так судил о себе великий Павел, паче всех потрудившийся в благовестии Евангелия, первоверховный среди апостолов, то что речем о себе мы, грешные, недостойнейшие носители благодати Божией, служители Церкви?.. Но у Христа таков закон: чем кто больше сознает свою немощь, свое недостойнство, тем ближе к тому и Его благодать: сила бо Его в

немощи совершается. Вот почему если и всякому христианину, то тем паче пастырю Церкви подобает всяким хранением хранить, как неоцененное сокровище, как нежный благоуханный цветок, оберегать в чувстве сердца сознание своего ничтожества, своей беспомощности, постоянной нужды в Божией помощи...

Вот чем сильны были иереи Божии, подобные смиренному отцу Григорию. Они крепко веровали, что Христос не оставит без помощи, не допустит до голодания и нужды безысходной Своего работника, и в основе их нравственного устройства глубоко лежало сознание, что смиренное чувство своего недостаточества есть та стихия, которой должен жить истинный служитель Христов...

Архиепископ Никон (Рождественский)
1913 г.

Встреча

Широко раскинулось наше Полесье! Не видать конца непроходимым лесным дебрям. Стеной стоит густой лес, и еще не раздавался в нем удар дровосека. Только как подыметесь ветер – зашевелится листва; сперва будто недовольная, что потревожился ее покой, зашуршат, закачаются верхушки; дальше – больше; крепчает ветер, серчает и лес, и вот уже слышны какие-то не то стоны, не то вой. И запрячется, зажмется к стволам испуганная птица, замечется встревоженный зверь, хоронится в норы свои и логовища. Памятны мне еще те времена, когда в Полесье частенько попадались такие поселки, что весною, в ростепель, и осенью, как польют дожди, к ним ни пройти ни проехать. По два месяца и больше, либо до летней суши, либо до зимней первопутки, поселки такие стояли, как отрезанные от живого мира, и горе тому хозяину, который не запасся, чем надо. Кругом народ небогатый, и не у кого позычить, сиди как знаешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.